

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

“Сейчас, на склоне жизни, я могу с чистой совестью сказать: я был слабым человеком. Но судьба толкала меня на самое трудное. Но я могу заявить, что для своего Отечества я сделал всё, что мог. Притом – бескорыстно. А если кто считает, что он мог бы больше, так пусть делает это...”

Редкое по искренности и чувству собственного достоинства признание принадлежит человеку, вышедшему из самых что ни на есть низов советского простонародья, но одарённому столь разнообразными талантами, столь сильной волей и такими нравственными основами, что, читая его книги, невольно приходишь к выводу: если Россия сможет в настоящем и будущем воспроизводить людей такой породы, то она не пропадёт никогда.

Поскольку и как литератор, и как человек Анатолий Тихонович Штыров почти неизвестен нашему читателю, то мы обозначим основные вехи его незаурядной судьбы.

Родился Анатолий Штыров 6 марта 1929 года в г. Петровске Саратовской области. Жестокая нищета, безотцовщина, естественно, наложили отпечаток на все ранние мироощущения. Сочинять стихи начал с четвёртого класса.

В 1944 году, в соответствии с указом Сталина подбирать беспризорников на железных дорогах, попал в военно-морское подготовительное училище (г. Горький). В процессе учёбы изучил французский язык.

В 1947 году исключён из комсомола “за антисоветские настроения”, но был пощажён по возрасту.

С 1947–1951 гг. – Тихоокеанское высшее военно-морское училище. В процессе учёбы изучил английский язык.

С 1951 года – Камчатка, служба на подводных лодках, на которых проплавал 18 лет, из них 8 лет командиром.

Совершил большое число походов на разведку и боевую службу в годы “холодной войны” и жестокого противостояния двух систем, когда неоднократно приходилось действовать в экстремальных условиях, выходя из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

С 1968 года офицер морской разведки, а с 1970 года – один из руководящих офицеров разведки на Дальнем Востоке.

В феврале 1984 года по личному ходатайству маршала Ахромеева получил воинское звание контр-адмирала (за работу в сфере “морских тайн”). Кроме того, за образцовую многолетнюю службу А. Т. Штыров был награждён многими орденами и медалями.

Имел прозвища: от подводников – “Неулыба”; от разведчиков – “Штирлиц”; от командования – “Последний из могикан”.

На протяжении почти 40 лет сочинял стихи (для себя), о чём сослуживцы не имели понятия. Множество стихов из-за неустроенности жизни потеряно.

С 1978 года – офицер по планированию боевых операций ВМФ в системе оперативно-стратегических штабов. В общей сложности прослужил в ВМФ 44 года, из них на Дальнем Востоке – 40 лет (Камчатка, Совгавань, Приморье), где в совершенстве познал гул стихий и мог сочинять стихи в редкие минуты отдыха и раздумий.

Автор книг стихов “Моряна” (Молдова), “Солёные ветры”, в прозе – “Приказано соблюдать радиомолчание”, “Морские бывальщины” (Москва), изданных мизерными тиражами в конце 90-х и начале двухтысячных годов.

В 1992 году по приглашению ветеранских кругов, как бывший противник в “холодной войне”, был приглашён в Китайскую республику Тайвань, где был награждён нагрудным знаком “Почётный подводник ВМС Тайвань”.

За свои публикации объявлен лауреатом литературных премий им. Андрея Первозванного и “Золотой кортик”.

Жена – геолог-дальневосточница. Проработала 35 лет на Колыме, в Якутии, в горах Сихотэ-Алиня, на Камчатке. Имеет двух сыновей*.

* * *

У Анатолия Тихоновича Штырова, как у подводных лодок, которыми он командовал, было как бы две жизни. Одна – внешняя, на поверхности. С уставами военно-морской службы, с постоянным ощущением присяги, долга и командирской ответственности, с окружением вышколенной, блестящей команды морских офицеров и матросов, с блеском шевронов, наград и званий, с парадной формой, с великими обворожительными традициями русского флота. И другая жизнь, как у подводной лодки, стоящей на боевом дежурстве в глубинах Мирового океана, с почти никому не известным местонахождением, с тайными заданиями, которые надо выполнить в окружении враждебных кораблей. Это была другая половина его судьбы – литературная, поэтическая, скрытая от глаз высшего начальства, от публики и, к сожалению, не известная в литературной среде.

Читаешь стихи этого необыкновенно одарённого человека, самородка, подобного молодому Твардовскому или Павлу Васильеву, и понимаешь: до чего же талантлив русский человек, стихи которого перебираешь, как необработанные драгоценные камни, которые вроде бы заключены в наплывы известняка, в пустую породу, но нет-нет да и вспыхнут и высветят глубины народного сознания, и выразят поэтическим словом глубочайшие человеческие чувства. Вовремя бы ему пожить в честной и талантливой литературной среде, рядом с Николаем Рубцовым, Вадимом Кожинным, Юрием Кузнецовым – мог бы стать Анатолий Штыров известным русским поэтом и властителем дум. Иногда мне казалось, что иные стихи написаны “не испорченным литературной жизнью” Александром Твардовским. Но не будем долго рассуждать о стихах, их читать надо. Тем более что они родились из сплава таланта с русским характером, сплава с присадкой офицерской чести, совести, бескорыстия и ненависти ко всякому ренегатству, ко всякой бюрократической мертвечине.

Обслуживающий персонал демократии, её апологеты и лакеи – познеры, млечины, сванидзе и проч. много лет подряд по всем программам, отданным в их распоряжение нынешней российской властью, долбят, как попугаи, что советские люди – это “совки”, “винтики”, “тупые исполнители”, лишённые своего лица, своего мировоззрения, своей индивидуальности.

Да одно явление Анатолия Штырова камня на камне не оставляет от лжи этих болтунов и борзописцев.

---

* Биографические сведения взяты из предисловий к книгам А. Штырова.

АНАТОЛИЙ ШТЫРОВ

“КОМУ Я ДУШУ ИСПОВЕДУЮ...”

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

*“Майскими короткими ночами
Отгремев, закончились бои”.*
— Так оно и верилось вначале.
Думалось, что пушки замолчали,
Что несчастья в окна отстучали
И бойцов с любимыми венчали
Мая и Победы соловьи.

*Тем и жили. Строили не сказку,
А простой хороший тёплый дом, —
Отмечали Первомай и Пасху,
По земле ходили не в опаску,
Детям отдавали свет и ласку
И кормились праведным трудом.*

*Как-то обходились без богатства;
Так уж вышло — не было его, —
Было человеческое братство,
С гордостью за честное гражданство —
Родины великое пространство
Было, и не стало ничего.*

*“Первомай шагает по планете!”
По планете, может быть, и да.
А у нас-то он в полузапрете;
Царь Борис не бросит слов на ветер:
— Вам готовы, взрослые и дети, —
Газ, дубьё и бьющая вода.*

*Светлое Христово Воскресенье!
Господи! Страдающим челом
Ты зовёшь к терпению и спасению.*

*Мы и терпим: зубы уж на полке,
Стёрты в кровь мозоли́ и холки;
Нас теперь зовут к “согласью” волки,
Танки прогревая за углом.*

*Мы твоею заповедью — “братья”.
Родина! Настал “согласья” час.
Ну, а вы, кто счастье жизни дали,
Кто за нас и бились, и страдали,
Нам вослед бессильного проклятья
Не послав, да не прощайте нас.*

1 мая 1992 г.

ИЗ КОЛЫМСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

*С густой плавказарменной вонью
Мы свыклись; с хвостами торчком
Бросались там крысы в погоню
За каждым, как я, новичком.*

*Забрав лейтенантские шмотки,
Вошёл я в железную твердь,
На тесной и старенькой лодке
Моя началась круговерть.*

*Там были такие таланты!
Я помню, как в тягостном сне
Сходились на бак лейтенанты,
Как волки взывая к луне.*

*Усвоена быстро и ловко
Романтика службы зараз,
Когда получил я: “За водкой!” —
Первеющий в жизни приказ.*

*И всё-таки, в дикости этой,
Мы были на редкость дружны,
И ценности целого света
Не так уж казались важны.*

*И были на это причины:
Мы в нуждах земных рождены
И связаны связью единой —
Моралью холодной войны.*

*Мораль та пряма и несложна —
Не пяль благородство своё,
Просящему дай безотложно
И бей беспощадно ворё!*

*Нет, мы отпусков не знавали —
Начальство извечно темнит.
Но если уж кто!.. — оживали;
Как цезарь, он был знаменит.*

*Сбегались, пускали по кругу
Матросский дырявый мешок,
Бросали счастливому другу
Деньжат, и по самый вершок.*

*Но чаще во Владике спьяну,
Надрав проституткам зады,
Громчили все вдрызг рестораны,
Вертались в сугробы и льды.*

1975 г.

* * *

*Я помню, как Санина “Шука”
В зимовке торосы скребла,
А Санина Дашенька, в муках,
Ему близнецов принесла.*

*Для Сани — и гордость, и радость.
Да тут завопила беда:
А жить-то им, крохотным, надо,
Идти-то вот только куда?*

*Матросики вырыли яму,
Собрали в кладовках старьё,
Слепили лежанки из хлама.
Прими-ка, Дашуня, жильё!*

*И мы, убегая к рыбацкам,
Считали за долг и за честь
Притырить хоть сахара пачку,
Чтоб Даше послаще поесть.*

*Наладить дымящую печку,
Ступеньки в заносах пробить,
Проверить коробку-аптечку,
Дровишек каких нарубить.*

*Два года спустя мы узнали —
Настал же мученьям конец! —
Что Сане на Балтике дали
Две комнатки — счастья венец!*

*Напившись для первой разрядки —
Ведь повод-то, повод какой!
Гудела, как улей, Камчатка...
А в яму вселился другой.*

1975 г.

КАМЧАТСКОЕ УТРО

*Вулканы спят. И море не кипит.
Ушли тепло и мрак вчерашней бури.
И тишина. Со мной одна не спит,
И белый лоб Вилючинская хмурит.*

*А вот и пёс приبلудный. Не один
Встречаю утро, значит, в эту стужу.
Он трётся о сукно моих штанов,
Как будто век со мной, бродяга, дружен.*

*Ты только, шелудивый, помолчи.
Будь человеком, помолчи со мною.
Присядь и подхалимски не стучи
Хвостом. Я полон этой тишиною.*

*Как хорошо, что нет вокруг людей!
Тебе на них не надо пастью щерить,
А мне совсем не хочется, ей-ей,
Ни вежливость блюсти, ни лицемерить.*

*Я эту ночь провёл на берегу,
Сидел, курил, уйдя с измятой койки,
И слушал гул, протяжный моря гул.
А ты, конечно, шарил на помойке.*

*Так хорошо на этом берегу!
Здесь призраки в давно застывшем чуде
Историю России стерегут
Заклёпанными жерлами орудий.*

*Здесь, на краю заброшенной земли,
Не ведая крутой науки боя,
Немеркнувшую славу обрели
Простые безызвестные герои.*

*Из грозных бурь и вязкой тишины,
Как горные пласты, ложатся годы,
Где дальними сполохами войны
Освещены забытые походы.*

*Придёт закономерная пора,
И новое, слепое поколение
Всё, ярко пережитое вчера,
Повыбросит без тени сожаленья.*

*Ты мне больную лапу не тяни!
Она, как и положено собаке,
Не перебита, Боже сохрани,
Из-за угла, а смята в честной драке.*

*Уже всю окрасился восток,
А мы сидим в тиши необычайной.
Ну что ж, пошли. Ты здорово помог
Мне в эту ночь, друг верный, друг случайный.*

*Камчатка, Сопка Любви,
декабрь 1978 г.*

* * *

*Расчистив пыль уже прожитых лет,
Храню в душе бесценную находку —
Свой звёздный час, когда на глубине
Водил свою упрямую подлодку.*

*Там грозного величия полна,
Гнетущая для слабых, тишина.*

*Пока живой, да будет жить со мной
Мой экипаж, исполненный отваги,
С которым покрестил я шар земной
На деле, под водой, не на бумаге.*

*Их не забуду, в памяти храня,
За то, что трусость выжгли из меня.*

*Мы не успели подвигов свершить,
Попасть в легенду. То — судьбы капризы.
Но там, где мы единожды прошли,
Был сонм врагов тревогою пронизан,*

*И может быть, всё рации стучат
Зловещие столбцы координат.*

*Боялся враг! Осиное гнездо
Гудело так, в эфире было тесно —
И янки, и потомки бусидо,
И новые потомки Поднебесной.*

*И до сих пор нет атомной чумы
Лишь потому, что там не спали мы,*

*Укутанные пеной с головой,
Когда стальная рыба в знобкой дрожи,
Взвывала сталь, мы панцирь ледяной
С лица сдирали с бородой и кожей,*

*Когда в кипенье волн гороподобном
Ждала нас бездна холодом утробным.*

*Мне грустно вспомнить неизбежный час,
Когда, изрезав под водой полмира,
По узкой сходне я в последний раз
Сошёл на пирс. Уже не командиром.*

*Но всё течёт. Усталый и больной,
Воюю вот с чернильницей штабной.*

*А там — друзья, которых больше нет.
Растаял след отваги незабвенной.
Они — на дне. И миллионы лет
Не тронет их теперь дыханье тлена.*

*Их, родине списавшей не в укор,
Американцы ищут до сих пор.*

*Списавшей ли? Там памятник стоит
У пирса, кособокий и щербатый.
Его слепили из бетонных плит
Солдаты гарнизонного стройбата.*

*Сварили рубку из листово́й жести,
И сурик не жалели. Всё по чести.*

*Подводному отдали кораблю
Дань местные народные умельцы,*

*Мы жёнам их собрали по рублю,
Так на Руси собирали погорельцам.*

*А бронза — та на идолов нужна.
Большой расход, великая страна!*

*Кто помнит, этим время вымирать,
А дети долгогривые забудут
И будут с удивлением взирать
На это доморощенное чудо.*

*И только первогодки из подплава
Прочтут слова чужой и грустной славы.*

*А нам-то что? Уж недалёк расчёт.
Дела свои, как говорят, — “на бочку”.
Придёт косая, скоренько сочтёт
И влепит уж не запятую. Точку.*

1976 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПУТИ НА ЗАПАД

*Прошёл я по многим дорогам
Двадцатого хмурого века.
И зверя я видел, и “бога”,
И гада, и сверхчеловека.*

*Война меня краем достала,
На фронт не сбежал я мальчишкой,
Но всё, чем судьба испытала,
На жизнь мне хватило с излишком.*

*Мне скажут: подумаешь, диво!
Давно это было и сплыло.
Таких, чересчур говорливых,
Одна успокоит могила.*

*И всё же довлеет над нами,
Как некого рока проклятье,
Всего пережитого память,
Что знал, а хотел бы не знать я.*

* * *

*Я видел колымскую трассу
Не так, как кумир хриловатый*,
В упор. И без всякой прикрасы.
А врать мне, увы, поздновато.*

*Я видывал в дебрях восточных
Следы от костров людоедов.
Меня-то не съели, уж точно.
Как мог бы я это поведать?*

---

* Имеется в виду В. Высоцкий.

*Я видел зарезанных зэков
Спокойно и тихо, без “шмона”.
У этих, у “сверхчеловеков”
Всё было в пределах “закона”.*

*Я всласть повалялся на нарах
Глухих придорожных транзиток,
И слушал там песни товарок
О сгубленной жизни бандитов.*

*Искал я женьшень по Алиню,
Заросший, как беглый бродяга;
Зовут ходоки и поныне,
Так значит, я был им не в тягость.*

* * *

*Я помню, как острые жала,
В глаза наведённые дула,
Как лодка себя обнажала
И в пене в мгновенье тонула.*

*Враги нас гоняли жестоко
В глубинах. И это бывало.
Но позже последнего срока,
А всё-таки лодка всплывала.*

*Наверное, слишком уж рано
Друзья — не сочту за обиду —
Творили по мне в ресторанах,
Тайком от жены, панихиду.*

*Всё то, что немногие знали,
Укрыто за тайной молчащей,
За службой в разветренных даях,
Пусть трудной, а всё ж настоящей.*

* * *

*Я вижу минувшего тени,
Сжимается сердце в тревоге
При виде пустых деревенек
У самой железной дороги.*

*За землю за скудную дрались,
Господ поднимали на вилы.
Зачем? Чтобы ныне остались
От дедов и бабок могилы?*

*Стояли здесь насмерть солдаты.
Земля их, как мать, принимала.
Так чем же она виновата?
Рожала ли хлебушка мало?*

*Служил тебе верно, Россия.
Наград мне за это не надо.*

*В твои полустанки глухие
Вернулся. Вот вся и награда.*

*Торопятся чёрные крыши
Напомнить из детства картины.
Хочу я увидеть мальчишек,
Гоняющих вскачь хворостины.*

*Хочу веснушчатых девчушек
Увидеть в застиранных платьях,
Принять кукованье кукушек
С берёзками вместе в объятия.*

*Домишки, плетни, огороды,
Буханки, прижатые к груди.
Не знаю плохого народа,
А знаю: есть всякие люди.*

* * *

*Уж сорок годочков промчалось,
А кажется — вовсе немного,
Когда, как сейчас, застучала
По рельсовым стыкам дорога.*

*Со школьной скамьи поманила
И властно звала за собою.
В одном ты честна, не темнила
С тернистой и трудной судьбою.*

*Но как же меня не сломили
Все страсти и хвори земные,
Наверно, собой заслонили
Две матери.
Обе родные*

*Не тем, кто в кожанках сопрелых,
Не этим, кто вылез из схронов,
(Я буду, ну пусть заржавелым
А всё же в обойме патроном!) —*

*А тем, кто не выбросит хлеба,
Кто крестит нас, в путь провожая,
Кто смотрит с надеждой на небо
И ждёт по дождю урожая.*

*Кто, жизни спасая, за шкуру
С тобой торговаться не станет,
Кто, всласть затянувшись, окурок
Тебе по привычке протянет.*

*И, если лихую годину
Ты встретишь, не боги, не звери —
Спасёт тебя наше единство —
Вот в это я истинно верю.*

Поезд "Россия". 1987 г.

ИЗ БАЛЛАДЫ О КАПИТАНЕ

*Промчались времена, и годы
В морях невидимо прошли...
Его не съели непогоды,
Враги осилить не смогли.*

*А только жаль смотреть, не скрою,
Как стал широк ему реглан,
Как был “коломенской верстою” —
И враз согнулся капитан.*

*Он был судьбой на совесть скроен,
Без жалоб встретил пенсион,
И был начальством удостоен,
И даже грамотой почтен.*

*Теперь он утречком с авоськой
Идёт-бредёт за молочком,
А рядом влаивает Тоська,
Собачка с хвостиком торчком.*

*Идут, и Тоське он внушает,
Как невоспитанна она,
Зачем она на кошек лает?
И с пацанами не дружна.*

*И вдруг да высветит такая
В душе хранимая печаль,
Когда на море засверкает
Из мглы разветренная даль.*

*И, хлеб забывши на прилавке,
Бегут скорее на причал,
Где в суетне портовой давки
Буксир призывно прокричал.*

*Наверно, им обоим мнится,
Что вот опять корабль ждёт,
И очень страшно припоздниться —
Поднимет якорь и уйдёт.*

*Да только пусто у причала,
И, разгоня рваный дым,
Один лишь ветер воеет шальный
Над капитаном над седым.*

1988 г.

РЕКВИЕМ

*Залегла в бурьянах в моё детство дорога,
Где жила и увяла по-вдовьему мать.
В чуждальных краях и извечных тревогах
Стал всё реже про дом, где рождён, вспоминать.*

*Вспоминать огоньки затаившихся хаток
И голодные дни той далёкой поры,*

*Дальний грохот войны и кричащих солдаток
С похоронкой, среди босоты-детворы.*

*Вспоминать, как ковыль серебрит на пригорках,
Словно ветер морей залетел, и туда,
Где в последнюю ночь, восходящая, зорко
Всё следила за мной неотрывно звезда.*

*Я давно растерял тех вихрастых мальчишек,
С кем вступал в комсомол в сталинградские дни,
И о многих теперь никогда не услышу —
В полевые цветы превратились они.*

*Позабыл имена лопухих курсантов.
Порастрёпан альбом, я не всех узнаю.
Нет уж многих из тех, кто ушёл лейтенантом
На свои корабли, в путь-дорогу свою.*

*Позабылись в моря боевые походы,
Где сверкали в лицо вспышки новой войны,
Где сидели за ночь в командирские годы,
Только байки о том уж теперь не нужны.*

*Пусть подводный народ был и спаян и дружен,
Те матросы мои, с кем я смерть презирал,
Их по грешной земле ветер судеб развьюжил
И, как листья к зиме, под снега разметал.*

*Не поднять из глубин на просторы стихии
Мне подлодку свою, той давно уже нет.
Не проводят теперь капитаны лихие
Перископный бурун, примолкая вослед.*

*И не врезаться мне в белоснежную пену,
Не стереть с бороды своей мокрую соль...
Я служил тебе, море моё, вдохновенно,
А осталась одна мрачной памяти боль.*

*В час досуга спешу к океану поближе
Слушать грохот и волн бесконечный рассказ.
Знаю — алых вдали парусов не увижу,
Только всё не свожу зачарованных глаз.*

*Море, с юности мной завладевшее море,
Твой я пленник и раб до последнего дня.
Если “реквием” ты заревёшь на просторе
Для седых моряков, — не забудь про меня.*

1985 г.

ВЕТЕРАН

*Приставив к ушам глуховатым ладошки,
Стоит — вспоминает седой ветеран:
И космы пожарищ, и ужас бомбёжки,
И вонь от бинтов и гноящихся ран.*

*Он видит упавших Митьков и Ванюшек,
С которыми лез на рубеж огневой
Под треск автоматов и танковых пушек,
И там все они, а он, значит, живой.*

*Пускают слезу колченогие деды,
Припомнив, как мяли хребтину врагу,
И ждут от державы, в знаменье Победы,
Медальку, а может, ещё и деньгу.*

*Нет, нет, не затем, чтоб на праздник напиться,
А так, прикупить сахарку, молочка
И всласть похлебать, и представиться в лицах
Геройством своим стрекотанью сверчка.*

*Всплакнут под медальку свою старушонки,
Что вынесли тяжесть под стать мужикам,
Как били в слезах фронтовички-девчонки
Врагов — по зубам, а своих — по рукам.*

*Конечно, была ваша жизнь небогата,
Но к старости вам полагался кусок...
А ныне завидуйте тем, кто с гранатой
Вставал из окопа в последний бросок.*

Ближнее зарубежье. Декабрь, 1994 г.

* * *

*Отбросы чавкают с ранья
Бомжи с голодной позевотою,
А там эстрадная свинья
Сидит на сцене с позолотою.*

*Придёт пора, Россия-мать,
И на дымящихся развалинах
Потомки будут проклинать
Тебя и звать второго Сталина.*

*Бегут, как крысы с корабля,
Халдеи с душами протухшими,
А пьяный кормчий у руля
Вращает глазками опухшими.*

*Ужели ты ещё живёшь
С рукой протянутой просящую?
Когда же волю обретёшь
И Моисея настоящего?*

*Смогу ли я спиной к спине
Прикрыть товарища уставшего?
И меч, протянутый ко мне,
Не дать рвануть из рук упавшего?*

1995 г.

БИЗЕРТСКИЙ КРЕСТ

*Когда исходили рубаки из Крыма,
Стреляя в плывущих по следу коней,
Надеялись — злая судьба обратима,
Что снова вернутся к дымкам куреней.*

*Когда корабли уходили из Крыма —
Творили с Отчизной прощанья обряд —
За славу Синопа и горечь Цусимы,
Дослав в Севастополь последний снаряд.*

*А берег всё дальше, а горы всё ниже,
И тают на море от крови круги;
Не знали, что жён ждут панели Парижа,
А честь офицера пойдёт за долги.*

*К далёкой и рыжей от зноя Бизерте
Отщёлкает мили последние лаг,
И флот, в тишине ожидающей смерти,
Приспустит без боя Андреевский флаг.*

*Судьбу проклиная в беспаспортной жизни
За хлеб со слезами, за кров без тепла...
Но гибель в лицо задышала Отчизне,
Взмолились: “О Боже! Хотя б позвала!”*

*Прощая “тем” ужас разборок кровавых,
И бремя скитаний, и смертный исход,
За то, что они не продали Державу
И тем сохранили великий народ.*

*А годы идут. И теперь не чужие —
Родимые черви утробу грызут:
По лику земли по прозванью Россия
Тифозные вши, как по трупу, ползут.*

*А насынки снова в далёкой Бизерте
Стеклись и подняли Андреевский флаг.
Как мало осталось их, люди! Но верьте —
Их подвиг не будет забытым в веках.*

*И если ты ног пред врагом не подлomiшь,
И встанешь на проблески новой зари,
Ты всех порастерянных в мире огромном,
Как вдовая мать, под крыло собери.*

Март, 1997 г.

* * *

*Под сердцем чувствую змею.
Как угнездилась там? Не ведаю.
Кому ж “повем печаль мою?”
Кому я душу исповедаю?*

*Кто в Новый тычется Завет,
Кто в манускрипты с “древлей славою”;
Одни сулят тебе расцвет,
Другие толпища кровавые.*

*Одни твердят: “Гражданских войн
Давно лимиты пораскрадены”.
Другие: “Нет уж, будь спокойн,
Найдём и вам верёвку, гадины”.*

*А трети с брызгами слюны
Поют Америке литанию:
“Учитесь, сукины сыны!
Она научит процветанию!”*

*Погрязла ты в духовной мгле,
От неустройцы угрюмая,
И на “Останкинской игле”
Сидишь, о будущем не думая.*

*Пока твой “гордый росс” блюёт
Заокеанский демократиной,
Уже девятый вал встает
С другой, раскосой саранчатиной.*

*Твой путь распада вечно зрим.
Ты на алтарь закланья подана,
Как Карфаген, как Древний Рим.
Но те дрались! А ты запродана.*

*Уходит в тень двадцатый век,
А век грядущий не возрадует:
Там обезьяна — человек
С оскалом, ором и ламбадою.*

*Грядёт вселенский передел.
Там, впереди — разборки грозные.
Я б новых гуннов не хотел,
А ты..? Проснёшься ли? Не поздно ли?*

*Тебя спиною заслонял.
А ты меня так мило предала.
Но диких злоб не перенял —
Ведь ты, конечно же, “не ведала”.*

Октябрь, 1995 г.

ИЗ УТРЕННИХ ЗАРИСОВОК

*Бреду переходами лестниц
И ногу с собой волочу —
В коробке малыш пятилетний
С табличкою: “Кушать хочу!”*

*Замурзана грязью мордашка,
Закрыты глазёночки — спит!
Пригнала ли спьяну мамашка?
Папашка ль в кроватке храпит?*

*Проснись же, малыш, улыбайся,
И песенку спой про сирот,
Ограбленных дядей Чубайсом —
Авось прослезится народ.*

*И спой нам про дедушку Борю,
Как дедушка любит детей,
Как в Англию внуку спроворил,
Сплетённых им, связку лаптей.*

*Как дедушка с бабкой Наиной
Про осень картошку копал,
Чтоб люд наш от новости дивной,
От смеха чуть-чуть не упал.*

*А то и поспи, неумытый,
Досматривай детские сны.
А вырастешь — примут в бандиты
Округи, а может, страны.*

1995 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анатолий Тихонович Штыров был и остался цельным и страстным патриотом своей Родины. И всех, кто ренегатствовал и разрушал Советский Союз, считал своими не только мировоззренческими, идейными, но почти личными врагами. Об одном из них – Александре Исаевиче Солженицыне он высказался не только со всей армейской прямоотой, но и с безупречной аргументацией, достойной объективного и профессионального историка. Его аргументы настолько значительны и серьёзны, что их необходимо пустить в научный оборот, поскольку фигура Солженицына до сих пор вызывает споры, и его имя в истории окончательно не устоялось, если вспомнить недавние книги о Солженицыне Сараскиной и Бушина, или то, как критик-патриот В. Бондаренко переплюнул ярую демократку Сараскину и объявил его “пророком” и “планетарным писателем”.

Вслед Бондаренке наш премьер с подачи вдовы Солженицына сделал подарок школьникам, – не без его прямого давления ведомство Фурсенко включило “Архипелаг ГУЛАГ” в обязательную программу по истории страны для старшеклассников.

... В 1953 году жена флотского лейтенанта Штырова, закончив институт и став геологом, получила предписание немедленно ехать на работу в небезызвестную систему “Дальстрой”, в Магадан. Оттуда её направили на отдалённый участок, находившийся возле якутского посёлка Хандыга. Там, в Хандыге, и родился их первенец.

Пришедший из дальнего похода в свою Камчатскую бухту младший лейтенант, узнав о случившемся, отпросился у начальства и бросился к жене с сыном. Все две с половиной тысячи километров он, пересаживаясь с одной попутки на другую, добирался до посёлка Хандыга холодным летом 1953 года, когда все трассы, ведущие на Запад, были оккупированы уголовниками, только что освободившимися по Большой Ворошиловской Амнистии... За эти две с половиной тысячи километров лейтенант выслушал от попутчиков и встречных множество страшных рассказов о том, сколько тут на “планете Колыма” зарыто людей. В ответ на его вопросы они говорили ему приблизительно так же, как шофёр полуторки-самосвала Семён:

“Поговаривают, мильёнов десять... – кто, конечно, ведёт счёт. А мы простые, где нам... Но вот эта дорога. На костях, это точно. Я свидетель...”

Счёт дальстроевским костям вёл Солженицын и выставил этот счёт сталинской эпохе в “Архипелаге”, о чём Анатолий Штыров в главе “Страна Колыма” написал так:

“Много позже адмирал в отставке вновь и вновь перечитывал солженицынского “Архипа”, шаламовские “Колымские рассказы” и вспоминал откровения кадыкчанского шофера Семёна. Он понял, что привирали все трое – всяка по-своему.

Так, шофер Сема всерьёз уверял попутчика, что там, в подземелье кайлал золотую руду вместе с Константином Рокоссовским и в знак достоверности предлагал проверить – у Рокоссовского родимое пятно под левой лопаткой. Как будто лейтенант мог это проверить.

Привирал потому, что все расплодилось во времени: этот Семен кайлал “жилку” в конце войны, после 1943–1944 годов, а Рокоссовский уже в 1942 году сражался под Сталинградом.

Но эта семеновская вина была малюсенькой: уж очень ему хотелось побыть в одной шахте со знаменитым человеком. Так сказать, стать причастным к бытию славы.

Но гораздо более врал Александр Солженицын (этот “апостол правды” с подозрительной бородёнкой); врал потому, что вся его статистика исторически-лагерного повествования в “Архипелаге ГУЛАГ” крутилась вокруг расстрельной паукообразной “пятьдесят восьмой” статьи (КР, КРД, КРТД, ЧСИР и проч.); получалось, что все огромные потоки осуждённых и невозвращенцев “шли” по этой статье, а в его повествовании – это многие миллионы судеб (никак не меньше 10 миллионов), и в этих потоках “бытовики” и “блатные” шли таким тонюсеньким малозаметным ручейком-струйкой.

Между тем из документальной статистики НКВД известно стало, что по бытовым (воры, грабители, насильники, растратчики, несунуны и летуны) шло свыше 85% осуждённых. И если это так, а это так, то многомиллионный поток “политических” разбухал до такой степени, что становился в численном выражении больше всего населения страны. Таково коварство солженицынско-и статистики, претендующей на “историческую правду”.

Далее-более: в июне 1996 года, аккуратно перед президентскими выборами, в Магадане воздвигнут гигантский памятник “жертвам ГУЛАГа”, притом было заявлено, что “вот на этом самом месте был концлагерь, в котором погибли не менее 700 тысяч заключённых”, а всего по Колыме опять-таки известные 10 миллионов. Гигантский памятник ставил известный Эрнст Неизвестный, а при сём присутствовал и витийствовал “гуру” сибирской демократии Виктор Астафьев.

Между тем есть известные, но неслышимые исследователи “истории Колымского края”, которые на основании изучения документальных архивов НКВД и музейных источников свидетельствуют о совершенно другой статистике.

И эта статистика даёт иную картину. Как известно, поглощавший рабочую силу эзков “Дальстрой” функционировал с 1939 по 1953 год. За неимением других средств сообщения, подачу рабсилы в виде эзков в порт Нагаево (через порты Ванино и Находка) обеспечивал единственный оборудованный транспорт “Джурма” (а в последующем и “Колыма”), способный принять в трюмы до 2 тысяч заключённых. Сезон навигации в Охотском море – июнь–ноябрь, то есть 6 месяцев в году; челночный рейс “туда и обратно” – не менее 15 суток; следовательно, транспорт мог сделать не более 12 рейсов за навигацию и доставить на колымскую землю до 30 тысяч человек “спецконтингента”. А два парохода (они никогда не функционировали одновременно) – до 60 тысяч человек. То есть за 17 лет бесперебойного функционирования (без задержек на шторма, туманы и проч.) – всего до 510 тысяч человек, а реально – до 375 тысяч заключённых. Архивы “Дальстроя” в Магадане показывают, что за вышеуказанный период в порт Нагаево был принят спецконтингент в 371 тысячу заключённых. Но отнюдь не 10 миллионов, как твердила “лагерная бухгалтерия” и изыскания демписателей – свидетелей Варлама Шаламова, Анатолия Стреляного, Ольги Шатуновской и Александра Солженицына. Лжесвидетелей, если уж говорить о грустной правде. А ведь кроме “спецконтингента” на колымскую землю направлялись и “вольняшки” (геологи, строители, изыскатели, лётный состав, врачи и т. п. и, наконец, охранные войска); всего – до 120 тысяч человек. Следовательно, по максимуму на Колыме никогда не могло быть более 500 тысяч человек. А отсюда – “потери”, если считать, что все 100% не возвращались, что уж явная чушь.

Из статистики, кроме того, известно, что до 1940 года из доставленных на Колыму заключённых составляли: “политические” – до 5%, “бытовики” – до 50%, уголовники – до 45%. В период 1944–1952 гг. демстатистика изменилась: “политические” (болтуны и агитаторы) – до 1%, “бытовики” (растратчики, несунуны, спекулянты, аферисты и пр.) – до 25%, ошмётки войны (бандеровцы, власовцы, зелёные братья, пособники оккупантов и буржуазно-кулацкий элемент из западных регионов) – до 30%, уголовники (бандиты, воры, насильники и прочая публика) – до 40%.

А если подытожить, то “совесть эпохи” Александр Исаевич соврал ни много, ни мало, а в 15 раз (как и при описаниях ужасов раскулачивания в 1929–

1931 г. — тоже в 15 раз). А отговорка есть: “Мне не достало документов, и я по свидетельствам жертв-очевидцев...” А жертвы имеют свойство преувеличивать, и очень даже здорово преувеличивать...

Неискущённому читателю вряд ли известно, что в те поры всё население Хабаровского края (а Колымский край входил в его состав) составляло 1,5 миллиона, а всё население Дальнего Востока — 3,5 миллиона человек, которое надо было кормить.

Таково коварство солженицынской статистики, претендующей на историческую правду.

Кроме того Александр Исаевич утаил, что в 1945 году на Лубянке он был, без особого с его стороны упорства, завербован в “сексоты” и получил агентурную кличку “Ветров”, и этот листочек был аккуратными “гепеушниками” подшит в его тюремное дело.

Впрочем, во втором, доработанном издании “Архипа” (по-видимому, под подозрительными уколами сохранившихся свидетелей-солагерников) Александр Исаевич подправился и включил в своё жизнеповествование полупризнание, что “да”, он был принудительно, под недвусмысленной угрозой “вышака”, завербован, подписал листок и был окрещён кличкой “Ветров”, но никогда! — слышите, никогда! — не работал на лагерных “кумов”, прикинувшись малопамятным идиотом-придурком.

Между тем, есть “документик” — личный донос стукача “Ветрова” в 1952 году “куму” в Карлаге о готовящемся там восстании. По этому доносу в Карлаг прибыл летучий отряд “краснопогонников”, который без всякого предупреждения открыл огонь по толпе зэков во время их построения перед разводкой на работы, где было убито свыше 200 человек. А “товарищ Ветров”... за сутки до того исчез и... появился в Костромском лагере щадящего режима.

Видимо, Александр Исаевич не знал, что о его расстрельном доносе сохранены документы и хранятся они в укромном месте, либо в каждом лагере были свои сексоты с тайной кличкой Ветров. В последнее, однако, верится плохо, ибо секретно-оперативный учёт в ведомстве “товарища Берии” всегда был на высоте, а любезный автор был завербован не в какой-нибудь захудалой “шарашке”, а в самом центре, на Лубянке, следовательно, был “централизованный”, спущенный сверху сексот. А к таким прислушивались особо...

Вот короткое историческое исследование, написанное с кожиновской дошностью. Вот таким, Владимир Григорьевич (обращаюсь к Бондаренко), встаёт из размышлений контр-адмирала образ “пророка”, “совести России”, “планетарного писателя” и т. д. А закончить своё послесловие к стихам Анатолия Тихоновича Штырова я хочу его словами из предисловия к книге “Морские бывальщины”. Слова эти и со стихами согласуются:

“Всё пережитое и услышанное я стремился доподлинно изложить как голос стремительно уходящего прошлого. Наверно, внимательный читатель заметит невольные ностальгические нотки. Да, в те времена существовала неустроенность быта и службы, отравляли жизнь подлецы и карьеристы, ловкачи и демагоги. Но как много было истинно святого, честного, добропорядочного! А главное — были и жили люди, в своей массе добросовестные и честные. Они, как могли, несли службу, исполняли свой патриотический долг перед часто не очень-то внимательной к ним Родиной...”

*Подготовка текста
и комментарии к нему
Ст. Куняева.*